

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A woman in a white off-the-shoulder gown and a crown stands in a room with blue patterned wallpaper. She holds a red rose. In the foreground, a white tiger with black stripes is lying down. A window with green curtains is on the left, and a candelabra is on the wall to the right.

ВДОВА РАНА

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Павловна Соболева

Вдова Хана

Серия «Монгольское золото», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58140108

SelfPub; 2021

Аннотация

Я буду его искать, даже если потрачу на это всю свою жизнь, даже если мои поиски будут напрасными. И буду ждать его возвращения всегда. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ульяна Соболева

Вдова Хана

ПРОЛОГ

Ты свободен днем, под солнцем, и ты свободен ночью, под звездами. Ты свободен, когда нет ни солнца, ни луны, ни звезд. Ты свободен, даже когда закроешь глаза на все сущее. Но ты раб любимого тобою, потому что ты любишь его. И ты раб любящего тебя, потому что он тебя любит.

Халиль Джебран

Неволя воняет смертью и потом, унижением и слабостью. Это отдельный мир, где человек превращается в животное. Кто-то в сильное, кто-то в слабое. Кто-то в охотника, а кто-то в жертву. Неволя меняет вас навсегда, нет ничего страшнее, чем потерять свободу над своими поступками и над своим телом.

Тюрьма лишь сосуд, в котором находится душа заключенного, но в данном случае именно сосуд влияет на то, во что превратится его содержимое. Да и сооружения, выстроенные огромным прямоугольником с узкими проходами между ящиками, отдаленно напоминали тюрьму. В свое время

данный способ содержания и наказания заключенных был запрещен законом, но на то это и закон, чтобы его нарушать.

В огромных деревянных ящиках с железными дугами по бокам держали людей. Никто не знал их имен и откуда они. Раз в неделю кого-то забирали, кого-то привозили, а кто-то уже никогда не покидал пустыню. В лагере надзирателей не принято было спрашивать ни имен, ни возраста заключенных.

Ящики, сколоченные из досок в виде чемодана, стояли в ряд, пряча в своих утробах скрюченные тела заключенных. Их головы, просунутые в дыры, сделанные в досках, свисали беспомощно к песку. У некоторых со рта текла пена, а кто-то бился в конвульсиях. Кто-то истошно орал, а кто-то тихо молился.

За заключенными наблюдали два надзирателя и четыре пса алабая, которые ходили по рядам и нюхали головы заключенных. Одно неверное движение, и псина могла полакомиться лицом несчастного.

Надзиратели пили чай из пиал и обмахивались газетами. Вокруг ящиков летали мухи и надоедливо жужжали.

– Когда завтра вывозить трупы будут? Они начинают вонять!

Поморщился один из бородатых мужчин и хлопнул муху у себя на плече.

– Должны рано утром.

– Что насчет того сукина сына, который плюнул в лицо

господина, его так и будут морить голодом?

– Может, он уже сдох. Пойди посмотри.

– Сам иди. Я к нему наклоняться не буду. Он чуть не откусил нос Баяру.

– Нам приказано подкармливать, чтоб не сдох. Давай, Очир. Твоя очередь.

– Ты корми. А я посплю. Вечером сменю тебя.

Примостился под зонтом на подстилке и отвернулся от своего друга.

– Ладно. Посмотрю.

Мужчина направился к «сундукам» в самый конец своеобразного лабиринта из ящиков. Подошел к самому крайнему и самому большому из них и пнул ногой.

– Эй, ублюдок! Ты живой?! Или завонялся уже? Долго думать будешь? Скоро солнце поджарит твою физиономию до мяса. Вчера тебе было мало? Эй!

Заклученный не подавал признаков жизни, и надзиратель несколько раз толкнул его голову носком ботинка. Потом наклонился и схватил за длинные волосы, свисающие к песку, поднял за них вверх, всматриваясь в заросшее лицо пленника, покрытое ожогами, с облезшей кожей и растрескавшимися в кровь губами.

– Живой? Давай моргни! И я дам тебе воды! – с уголка рта заключенного потекла струйка крови.

– Твою ж мать! – надзиратель опустился на колени, приближаясь к безжизненно свисающей голове, стараясь уло-

вить дыхание, и когда он придвинулся совсем близко, заключенный зарычал и впился ему зубами в скулу с такой силой, что тот заорал, завизжал. Отскочил в сторону, зажимая рану руками.

– Сукааа! Тварь! Ах ты ж мразь!

Он бил заключённого по голове, а тот хохотал окровавленным ртом.

– Эй, Джембул, что там у тебя? Машина едет! Заканчивай там! А то убьешь раньше времени!

– Черт!

Джембул бросился между ящиками обратно к стульям и ящикам с водой и едой.

– Что с тобой? У тебя вся рожа в крови!

– Этот урод меня укусил. Что ты ржешь? Он отгрыз мне кусок мяса!

– Я тебе говорил, что он опасен. И я надеюсь, что эти его сегодня заберут.

– Если он согласится.

– Хрен его знает. Этот сукин сын конченный псих.

Они посмотрели друг на друга, а потом снова на приближающийся джип. Из-под колес клубилась пыль, и машина затормозила неподалеку от лагеря надзирателей. Из нее вышел мужчина с длинными волосами, собранными в хвост на затылке, и кивнул в сторону ящиков.

– Ну что?

– Ничего. Молчит.

– Веди его сюда.

– Да, господин.

Джамбул поклонился мужчине в красивом сером костюме и, продолжая кланяться, вместе со своим дружкой пошел к ящикам. Они гремели засовами, открывая сундук и вытаскивая оттуда огромного мужчину, скованного цепями по рукам и ногам, одетого лишь в одну набедренную повязку. Его смуглое тело было покрыто ссадинами и кровоподтеками, шрамами и порезами, и он не стоял на ногах. Кряхтя и постанывая, надзиратели потащили заключенного к гостю и швырнули в песок под ноги.

– Ну что, псина, ты так и будешь упрямиться или все же надумал?

Мужчина пнул заключенного под ребра, тот даже не застонал. Дверца машины распахнулась, и на песок стала маленькая женская нога в лакированной красной туфле. Это все, что мог видеть заключенный, которого Джамбул держал за волосы.

– Что ты так неучтив, Наран, с самим... как там тебя называли, плебей? Напомни!

Она сдвинула скулы пленника рукой в перчатке.

– Пошла на х*й! Шавка!

Удар ногой в лицо, и из носа заключенного хлынула фонтаном кровь. Его продолжали держать за волосы и бить, пока он не застонал, закатывая глаза.

– Я сегодня уезжаю... Если ты будешь упрямиться, я

привезу тебе скальп. Золотой, переливающийся на солнце скальп, или, может, ты хочешь черный? С косичками?

– Пошла на х*й, я сказал!

Его снова ударили и били до тех пор, пока не потерял сознание.

– Три дня без еды и воды.

– Он сдохнет!

– А ты не дай сдохнуть. Я тебе за что плачу!?

Хотела уйти, потом вернулась и наклонилась к заключенному:

– Три дня на размышления! Три! А это, чтоб тебе хорошо думалось!

И бросила в песок заколку с цветным бантиком из ленточки.

Глава 1

Настоящая любовь – это слепая преданность, безответная покорность, самоунижение, это когда веришь, не задавая вопросов, наперекор себе и всему свету.

(с) Чарльз Диккенс. Большие надежды

– Дарив, скажи мне уже, что вы нашли?

– Я все проверил. Ничего особенного. Остальные камеры показывают все то же самое. Один к одному.

Он старается не смотреть вниз, на прикрытую мягкой пленкой головку малыша, который усердно сосет мою грудь. Да, я кормила своего мальчика сама, хотя мне и пытались навязать каких-то кормилиц из Монголии. Мне хватит и моего молока. Мой сын будет пить только его и ничье молоко больше.

– Не может быть! Я же показывала тебе несоответствие по времени.

Наклонилась вперед к ноутбуку и включила одну из записей.

– Вот смотри, везде запись обнуляется в двенадцать ночи, верно?

– Верно.

– Смотри, вот здесь машина Хана проехала по трассе в

сорок пять минут, свернула налево, остановилась на светофоре. Везде это время совпадает. На всех записях со всех камер. А теперь смотри время взрыва. На одной из камер в пятьдесят восемь минут, на второй – пятьдесят пять, на третьей – пятьдесят три.

– И что это по-вашему значит?

Смотрит мне в глаза, пожимая плечами.

– Ты действительно не понимаешь?

– Нет, я не понимаю.

Малыш перестал сосать, и я поправила сарафан, приподняла сына, положила животиком на плечо.

– Это значит, что в каком-то месте что-то вырезали, а потом вклеили взрыв. И я хочу, чтоб ты нашел профессионала, который найдет это место... И еще. Найди мне тех, кто отвечает за городские камеры и мониторит их.

Посмотрела Дариву в глаза. Как всегда, совершенно беспристрастен. Спокойный, уравновешенный. Смотрит на меня скептически и явно сомневается в моей адекватности.

– Чего вы хотите этим добиться?

– Хочу найти некоего мистера игрек, который заплатил некоему мистеру икс, чтоб тот отдал ему записи с камер и потом поставил их на место.

– Год поисков, госпожа. Год мы ищем неизвестно что и неизвестно кого. Как в вашей сказке «Пойди туда, не знаю куда, и найди то, не знаю что». А как же анализы ДНК, где черным по белому написано о девяносто пятипроцентном

соответствии.

– А разве оно не должно быть стопроцентным?

– С учетом того, насколько пострадали ткани – нет.

– А для меня – да! Это был не мой муж. Я хочу, чтоб провели еще одну экспертизу. Пусть сверят ДНК того... кого приняли за моего мужа, и моего сына. Я хочу посмотреть, покажет ли этот тест отцовство.

– Как скажете. Я сделаю все, что прикажет моя госпожа.

– Вот и сделай.

Поклонился, вышел из кабинета, а я посмотрела на сыночка, дремавшего у меня на руках. Смуглое личико с раскосыми глазами, черные волосики, пухлые щечки... и когда он откроет глаза, они будут удивительного голубого цвета, приводящего в восторг его прадеда. Мой маленький Тамерлан Второй. Мой принц. Любовь моя. Я найду твоего папу, чего бы мне это не стоило, и никто не убедит меня в том, что его больше нет. Малыш поморщил носик и улыбнулся, а у меня от любви и нежности защемило сердце. Как же тяжело ты мне достался, как же сильно я хотела, чтоб ты родился.

Я встала из-за стола, уложила ребенка в колыбель, позвала няню и вышла из спальни. Направилась в комнату Батыра.

Он остался жить у меня. Старый вредный старикан заявил, что ему здесь нравится. Он пришел в себя, когда я разговаривала с одним из управляющих концерном, спустя три месяца после исчезновения моего мужа. Пришел в себя настолько неожиданно, насколько и вовремя, иначе я бы наво-

ротила с бизнесом непоправимых ошибок.

– И... что это значит? Я не понимаю. Вы должны мне объяснить. Да, я слышала насчет акций. Что с ними не так? Я должна поднять цену? Опустить? Вы считаете, так будет лучше? Но зачем опускать цены на наши ценные бумаги...

– Гони его в шею.

Обернулась на постель и замерла с трубкой в руке. Старик открыл глаза и смотрел на меня так пристально и осмысленно, что по коже побежали мурашки.

– Мы никогда не опускаем цены на акции, так и скажи, и пусть идет на хер.

– Вы уволены! – сказала я, продолжая смотреть на деда, и тот довольно ухмыльнулся, поднимая большой палец вверх.

– Что? Вы... вы серьезно? Вы же не знаете бизнес изнутри, я самый лучший аналитик и...

– Я что не ясно выражаюсь? Вы уволены!

Отключила звонок, не сводя взгляда с деда, а он поёжился, пытаясь перевернуться на бок.

– Позови сиделку, или кто там меня ворочает и моет. Пусть повернет меня, кости все закаменели, и зад заделался под этот матрас. Кстати, херовый матрас. Купи другой. И смените мне подгузники. А еще я хочу есть.

Я засмеялась, чувствуя, как впервые за все это время меня наполняет радостью. Словно засиял самый первый луч надежды, и я ощутила рядом с собой опору. Да, никогда бы не подумала, что буду рада Батыру Дугур-Намаеву.

– Я так понимаю, ты теперь у руля?

Кивнула, затаив дыхание и не зная, что именно он сейчас скажет и как быстро отлучит меня от управления.

– Тебя пора научить разбираться в бизнесе. С сегодняшнего дня буду давать уроки. Когда родится мой правнук? – кивнул на мой живот.

– Со дня на день.

– Внука нашли?

Взгляд стал непроницаемым, цепким, как будто впивался мне в душу.

– Мы его ищем.

– Ищите. Не хорони его, Ангаахай.

– Я и не думала. Я знаю, что он жив. Вы что-то помните?

– Нет. Меня подстрелили, и я потерял сознание. Очнулся уже здесь... и не мог пошевелиться. Слушал, как ты строишь домашних. У тебя неплохо получается. Наклонись... что-то скажу.

Поманил меня пальцем, и я подошла к постели, склонилась над стариком.

– Я в тебе не ошибся, внучка. Найди Тамерлана.

– Обязательно найду. Я не сдамся.

В ту же ночь начались роды. Дома. Под присмотром Зимбаги.

– Надо в больницу! Слышишь? Надо!

– Нет! Я никому не доверяю кроме тебя. Ты... повитуха? Давай прими моего мальчика! В роддоме его могут украсть

или убить. Рожу. Никуда не денусь. Наши бабки рожали, и я рожу. У меня выбора нет...

Разродилась только через два дня схваток, которые то затихали, то начинались снова. Зимбага все это время слушала сердцебиение ребенка. Во время схваток закусывала простыню и скулила, чтоб никто не слышал, как я кричу.

– Таз узкий, не разродишься. Ребенок большой.

– Разрожусь. Я – жена Тамерлана Дугур-Намаева. Я все выдержу. Ты смотри за ребенком. И говори, что делать.

Выталкивая ребенка из своего тела, я громко кричала имя его отца. Так громко, что содрогались стены.

– Какой большой богатырь. Да тут все пять килограммов.

– Зимбага..., – выдохнула я с мольбой.

– Все на месте. Ручки, ножки, пальчики. Здоровый карапуз. Вылитый папа. Давай, покричи для нас.

Когда малыш закричал, я взяла его на руки. Пристроила на груди и уснула. Мокрая от пота, с сорванным голосом и лопнувшими сосудами в глазах, но счастливая до безумия. Когда Зимбага хотела его забрать, я схватила ее за руку и хрипло сказала:

– Никогда не трогай моего сына, пока я не разрешила.

Она усмехнулась, с каким-то оттенком гордости. Не обиделась. А во мне инстинкты играют первобытные и понимание, что я мать. Я родила своему мужу здорового мальчика. И я глотку перегрызу каждому, кто попробует его у меня забрать или обидеть.

– Как сына назовешь?

– Тамерлан. Тамерлан Второй. Пусть напоминает мне... что первого надо искать.

– Скоро врач приедет сюда и посмотрит вас обоих. Ему можно доверять, и я буду рядом. Но все прошло хорошо... без разрывов. Ты умничка. Сам Бог тебя уберег. Это наивысшее чудо из всех, что я видела.

Зашла в комнату Батыра – сидит в своем кресле, кормит Генриха орехами, а Эрдэнэ ему книгу читает вслух. С серьезным лицом. Косички по плечам змеятся с бантиками, которые я ей сделала. Теперь самые любимые ее заколки. Целая коробка.

– Seriously? Воспоминания Черчилля?

Взяла книгу и посмотрела на обложку.

– Бедный ребенок.

– А что? Историю надо знать. Говорит, что ей интересно.

Я подошла к деду, наклонилась, тронула губами его щеку, а он мою.

– Пахнешь молоком. Кормила моего Лана второго?

Кивнула и потрепала по волосам Эрдэнэ.

– Посидишь с братиком, милая?

– Конечно. Почитаю и ему Черчилля. Пусть просвещается.

Когда за ней закрылась дверь, я села напротив Батыра.

– Что? Хочешь мне что-то рассказать и не знаешь, с чего начать?

– Да...

Он уже меня выучил. И иногда по одному взгляду знал, о чем я думаю.

– Я считаю, что запись с камер была обрезана и склеена. Считаю, что там не хватает куска.

Резко поднял голову, и Генрих встрепнулся, махнул крыльями, перелетел ко мне.

– Мне нужен человек, который смог бы подтвердить мои предположения или опровергнуть.

– Есть такой человек. Завтра же будет в твоём распоряжении.

Отпил свой кофе и медленно поставил чашку на стол.

– Таки нашла зацепку. Молодец.

– Я бы нашла ее рано или поздно. И его найду.

Батыр выпрямился в кресле и тяжело вздохнул.

– Прошел год, Ангаахай. Год его отсутствия. Год, в течение которого мы ничего о нем не слышали. Нет, я не подвергаю сомнению твою веру, не умаляю твоих надежд, но... если бы мой внук был бы жив и хотел, чтоб его нашли, он бы уже придумал, как подать тебе знак.

Тяжело дыша и пытаясь сдержать слезы, смотрела на морщинистое лицо Батыра. Только не он. Он не может меня бросить и сдаться, перестать верить. Он же всегда был со мной

и поддерживал меня. Он же говорил мне не сдаваться.

– А если...если там, где он сейчас, невозможно подать знак...

– Да... так и есть. Невозможно. Оттуда знаки не подают.

– Нет! – горячо возразила. – Я не о том! Я... я

– Я знаю, о чем ты. Я сам просил тебя искать и не складывать руки, но я хорошо знаю своего внука. Это сильный и хитрый сукин сын. Он бы выбрался даже из ада... и если его до сих пор нет...

– То значит в Аду крепкие засовы, и их надо открыть снаружи! – крикнула я и ударила кулаком по столу. – Не смейте сдаваться. Он жив. Я буду искать и докажу, что он жив. Найдите мне человека, который посмотрит записи с камер.

Глава 2

Ты смотришь на меня, смотришь на меня из близи, все ближе и ближе, мы играем в циклопа, смотрим друг на друга, сближая лица, и глаза растут, растут и все сближаются, ввинчиваются друг в друга: циклопы смотрят глаз в глаз, дыхание срывается, и наши рты встречаются, тычутся, прикусывая друг друга губами, чуть упираясь языком в зубы и щекоча друг друга тяжелым, прерывистым дыханием, пахнувшим древним, знакомым запахом и тишиной. Мои руки ищут твои волосы, погружаются в их глубины и ласкают их, и мы целуемся так, словно рты наши полны цветов, источающих неясный, глухой аромат, или живых, трепещущих рыб. И если случается укусить, то боль сладка, и если случается задохнуться в поцелуе, вдруг глотнув в одно время и отняв воздух друг у друга, то эта смерть-мгновение прекрасна. И слюна у нас одна на двоих, и один на двоих этот привкус зрелого плода, и я чувствую, как ты дрожишь во мне, подобно луне, дрожащей в ночных водах.

(с) Julio Cortázar. Игра в классики

Он сидел в одиночке, в наморднике, как у свирепого, дикого пса из черной, толстой кожи с железными спицами у рта, и руками, выкрученными назад за спину, скованными металлическими браслетами, кандалы на ногах растерли ло-

дыжки, и кожа давно зарубцевалась, повторяя рисунок в виде хаотичных шрамов. На нем грязная роба, которая с трудом сходится на мощной груди, свободные шаровары. В помещении невыносимо жарко, и заключенный истекает потом. Миска с водой стоит у другой стены, но цепь, на которой сидит заключенный, не достает до нее. И он может лишь ходить вокруг и смотреть на желанную влагу.

Вокруг заключенного множество других клеток, в которых сидят по два-три-пять человек. Без намордников и наручников. Сильно воняет мочой, экскрементами, потом и кровью. Где-то слышны стоны боли или предсмертной агонии. Они мало кого волнуют. Здесь каждый сам за себя. Здесь у каждого только одна цель – выжить любой ценой. Абсолютно любой.

ОН сидит у стены и смотрит на маленькое квадратное окно под потолком. Первые лучи солнца означают, что скоро всех выведут на переключку, заставят умываться ледяной водой, потом будет тренировка, и только после этого их покормят. Но на такой жаре есть не хочется. Хочется пить и спать. Спать им дают только ночью по четыре-пять часов. Все остальное время они тренируются. Кто не хочет тренироваться, того избивают до полусмерти и вешают на столб под палящими лучами солнца. Пару таких прогулок и дерутся все. У каждого арестанта на груди тавро, как у скотины. В ухо, ноздрю, губу может быть продето кольцо с номером. Некоторым особо строптивым кольцом пробивали член или

мошонку, и это автоматически делало его мишенью для посягательств. Окольцованные «девочки» не имели права вставать в полный рост, они ползали на четвереньках и смотрели только в ноги своим «хозяевам».

Одна из самых страшных тюрем в мире. Монгольская яма. Отсюда никогда никто не бежал. Отсюда никогда никто не выходил. Только вперед ногами. Один из самых известных в подпольных кругах смертельный тотализатор с невероятными ставками в золоте. Выживает тот, кто кровожадней, сильнее и более жесток. Победителя вкусно кормят и приводят к нему шлюх. Чемпиона могут вывезти на бои в другую страну. Чемпион условно свободен. Каждый мечтает об одном из двух – или сдохнуть, или стать чемпионом.

Засовы тяжело заскрипели, огромная железная дверь с грохотом отворилась. Послышался топот ног надзирателей и начальника смены, вперемешку с ними тонкое цоканье женских каблучков.

– Всем встать, суки! Руки по швам и мордами в стену!

Звук шипящего электричества и сдавленный крик. Кто-то послушался, и его припекли электрошокером.

ЕМУ было неинтересно, как остальные заключенные быстро суетятся, вскакивают, отворачиваясь к стене, жмутся к ней, пряча лица. Он и не думал шевелиться. Он продолжал смотреть в окно. Скоро горизонт окрасится в нежно-золотой цвет, и по телу заключенного в собачьем наморднике пройдет волна дрожи, черные узкие глаза вспыхнут, и он загре-

мит цепями, приветствуя солнечный свет так, как будто это единственное, что ему важно в этой жизни.

– А ты, ничтожество, кусок гнилого мяса, быстро встал! Ждешь особого приглашения?

Обращались к нему, но он даже не обернулся.

– Ты! Мразота! Встал, я сказал!

Начальник смены толстый, невысокого роста, с салынными волосами и обвисшим вторым подбородком кивнул своим людям на камеру. Клетка открылась, и четыре здоровенных мужика схватили заключенного под руки и швырнули на пол, прямо в ноги начальника и его гости.

– Кланяйся, урод!

Его удерживали на четвереньках, но он умудрился плюнуть ей на носки лакированной обуви и несколько раз чуть ли не сбить с ног четверых надзирателей.

– Ты это вылежишь, мразь.

Удары посыпались со всех сторон. Заключенный дергался, но даже не стонал, упрямо удерживая голову вертикально и не давая ее нагнуть к ботинкам женщины, пока его насильно на уложили плашмя на грязный пол и не придавили к нему сапогами.

– Прогресса нет? Упрямится идиот?

– Нет. Никакого прогресса.

– Сидит и молчит. Вывести и заставить драться невозможно. Только зря переводит жратву. Намордник снять опасно. Он раздирает людей зубами.

– Зверина. Никто никогда не сомневался, что ты зверина. Я тебя забрала из ящика, но в любой момент могу вернуть обратно.

Женщина подняла лицо заключенного рукоятью своего зонта, удерживая за подбородок. Когда он лязгнул зубами, она все же дернулась, а заключенного ударили по затылку дубинкой.

– Упрямишься. Зря. Я тебя сломаю. И не таких ставили на колени.

– Пошла ты! – прошипел сквозь зубы, презрительно криваясь и глядя на ноги женщины так, как смотрят на мерзкое насекомое.

– У меня для тебя подарок, но получишь ты его позже. – она выпрямилась и посмотрела на начальника. – Я хочу, чтоб ему поставили метку. Сейчас. Здесь. При всех.

– Тигр... давай, порви сучке все дырки! Она тебя хочет! Течет и воняет сучкой!

– Тигр, порви ее, вставь ей свой болт по самые железы!

– Дааааа! Порвать суку!

Надзиратели ударили по решеткам, кого-то обожгли током, и крики стихли.

– Раздеть наголо и поставить на колени.

Одежду сдирали вдвоем, а еще двое пытались удержать, но заключенный дергал цепи, и конвоиры падали на колени, матерились, били его по спине, по голове, по лицу, а он постоянно вставал с колен и, набычившись, смотрел исподло-

бья на женщину с длинными прямыми волосами и маленьким ртом, похожим на красную прорезь.

С него содрали всю одежду, и женщина изучила его с ног до головы. Под улюлюканье заключенных.

– Он порвет тебя. Давай купи Тигра. Он тебе как загонит!

– Тигрище, зверина! Не жрал неделями, а здоровый, как буйвол!

– Когда-нибудь я сниму с тебя живьем кожу... но это будет потом. – женщина постучала зонтом по груди заключенного. – Вначале ты поработаешь на меня. Поработаешь тем, кем и являешься. Будешь моей собакой, которая по команде «фас» будет за меня драться.

– Каждая собака однажды срывается с цепи. И первый, кому она перегрызет глотку, это тот, кто ее на цепи держал.

Бронзовое тело, покрытое синяками, ссадинами, шрамами, ожогами, блестело от пота, лоснилось от грязи и скорее напоминало выкованную из стали скульптуру.

– Твои цепи будут под током, и если сорвешься, то только на тот свет.

– Я утяну тебя за собой.

– Давайте! Я хочу это сделать сама!

Кивнула на заключенного, и один из надзирателей подал женщине нож.

– Каждый мой пес носит на себе знак принадлежности мне. Обычно его выжигают, предварительно смазав обезболивающей мазью... Но у тебя будет личная привилегия. Я

сама его вырежу на тебе.

Она провела лезвием по груди мужчины, и тот стиснул кулаки.

– Повой для меня, псина. Громко, заливисто. Повой от боли.

– Скулишь только ты, шавка.

Она вырезала на нем пять квадратов в виде цветка. Один посередине и четыре других по бокам. Два вверху и два внизу. Снимала квадратики кожи, и кровь текла по груди заключенного. Он не издал ни звука, только смотрел на нее своими сумасшедшими, страшными глазами, не моргая. Притихли все. Конвоиры, арестанты, начальник смены. Как будто затаились, не дыша.

Женщина швырнула ошметки кожи себе под ноги и потопталась по ним.

– Ты – мой раб. Каждый будет знать, кому ты принадлежишь. Рано или поздно с трона падают все. Помни, кто тебя с него сбросил. А теперь обещанный подарок.

Достала из кармана нечто тонкое, блестящее, похожее на пружину, и ткнула под нос заключенному, который стоял на коленях, согнутый, и трясся от напряжения.

– Представляешь, насколько я к ней близка? Насколько я рядом? Еще один твой отказ, и ты получишь ее палец, или ноготь, или сосок. Признайся, ты бы хотел на него подрочить?

Развернулась, чтобы уйти, но на мгновение задержалась:

– А может быть, ты хочешь получить маленький пальчик своего сына?

– У меня нет сына, сука!

Пошла к выходу в сопровождении начальника, который семенил следом, переставляя толстые ножки. Она не видела, как заключенный поднял с пола прядь золотых волос, как бережно сложил их в ладонь и поднес к лицу, принюхиваясь к ним жадно, закатывая глаза от удовольствия, а потом взревел:

– Я согласен! Слышишь, сука, я согласен!

Глава 3

Есть такая легенда – о птице, что поёт лишь один раз за всю жизнь, но зато прекраснее всех на свете...

Однажды она покидает свое гнездо и летит искать куст терновника и не успокоится, пока не найдёт...

Среди колючих ветвей запеваёт она песню и бросается грудью на самый длинный, самый острый шип. И, возвышаясь над несказанной мукой,

так поёт, умирая, что этой ликующей песне позавидовали бы и жаворонок, и соловей...

Единственная, несравненная песнь, и достаётся она ценою жизни...

Но весь мир замирает, прислушиваясь, и сам Бог улыбается в небесах...

Ибо все лучшее покупается лишь ценою великого страдания....

По крайней мере, так говорит легенда.....

(с) Поющие в терновнике

– Мы смогли восстановить недостающий фрагмент видео.

Дарив резко распахнул дверь веранды, и Джая тут же встала в стойку, оскалилась. Я положила ей на спину руку, нежно поглаживая шерстку.

– Тихо, моя девочка, спокойно. Все хорошо.

Она повела ушами и нехотя, грузно улеглась у моих ног, лениво откинула голову назад, снова вылизывая свою массивную лапу, но не забывая поглядывать зеленым глазом на Дарива.

– Никогда не врывайся так, Дарив. Она могла тебя разорвать в считанные секунды.

– Простите, – склонил голову и тут же поднял, – я просто был обязан вам это показать. Предварительно восстановленный фрагмент.

Он сделал шаг ко мне, и Джая злобно рыкнула.

– Тихо... тихо, малышка. Это свой. Ему можно подойти.

Продолжая поглаживать тигрицу, заставляя ее расслабиться и подпустить мужчину, протянуть мне смартфон.

– Смотрите, начиная с 44 минуты. – он наклонился и повел пальцем по экрану. – Вот здесь за кустами внедорожник. Его вырезали, и ни на одной из записей его или нет, или совершенно невидно. Фары выключены. Отсвечивает только блик на бампере. И то... единожды. Когда машина Тамерлана выхватила бампер в темноте. Вот здесь, я снял для вас, как мы увеличили разрешение, и теперь явно видно, что внедо-

рожник стоит в кустах. Вот его очертания. Теперь смотрите запись с другой камеры. Этот же внедорожник едет по трассе за час перед происшествием. Вот он сворачивает на просёлочную дорогу. Потом он сделал петлю в поселке, выехал через лесополосу и спрятался в кустах.

– Это значит, они поджидали Хана? Это ты мне хочешь сказать?

– Скорее всего, именно из него была обстреляна машина. Кадры, где это происходит, восстановить не удалось. Помните заключение экспертов? Стреляли по колесам.

– Целью было не убить..., – тихо сказала я.

– Возможно. И еще... вот здесь запись с камер уже за городом. Эта же машина останавливается на заправке. Все бы ничего, но, если увеличить кадр. Вот здесь, видите – это следы от пуль. Скорее всего, Хан отстреливался. Я уже послал людей изъять гильзы и сравнить входные отверстия от пуль.

Я внимательно смотрела на джип, чувствуя, как ярость, ненависть и надежда поднимаются изнутри в адском коктейле. Мы найдем этого человека, и я лично заставлю его пожалеть о каждом выстреле.

– Что по номерам?

– По номерам джип принадлежит некоему Артему Свиридову.

– И где он сейчас?

Дарив самодовольно усмехнулся.

– Он и его шлюшка, с которой мы его вытащили из poste-

ли, сейчас по дороге в одно укромное тихое место, где обычно всегда говорят правду.

– Я хочу попасть в это место.

Дарив выпрямился и спрятал сотовый в карман.

– Не уверен, что там подходящая атмосфера для моей госпожи.

Голову склонил и больше не смотрит на меня.

– Их надо заставить говорить. Не думаю, что вам стоит на это смотреть. У нас... свои методы. Не совсем гуманные и не совсем чистые.

Я прекратила гладить Джаю и встала с кресла. Подошла к Дариву. Сейчас я видела только его седоватую макушку, так как он наклонился вперед и смотрел в пол.

– Посмотри на меня. Мне в глаза.

Он медленно поднял голову и с огромным трудом заставил себя смотреть на меня. Запрет Хана действовал до сих пор. Запрет пялиться на его жену дольше, чем несколько секунд.

– Я не держу тебя здесь для того, чтобы ты думал за меня. Ты здесь, чтобы охранять и выполнять мои указания, указания Батыра, а не думать, что мне стоит делать, а что нет. Я хочу слышать, что говорит этот человек. И мне все равно, какими способами вы заставите его говорить.

Мне не нужно было носить оружие, держать рядом писто-

лет, ставить охрану возле своей комнаты. У меня была она. Моя полуслепая девочка, готовая сожрать любого, кто просто повысит голос или изменит тон в моем присутствии.

Она могла часами охранять Лана младшего, спать у его кровати или сидеть и не подпускать никого, даже няню, при этом развлекать малыша, играть с ним, позволять таскать себя за усы и за уши, вылизывать всего с ног до головы.

Я знала, что Джая отдаст за меня жизнь, если потребуются... и теперь понимала, как горевал Тамерлан, когда погибла Киара. Но вернуть назад ничего нельзя. Когда он вернется, то полюбит и Джаю... ее невозможно не любить.

Тамерлан... Одно его имя заставляло сердце больно сжиматься, стонать и кровоточить от боли. И ни на секунду не становилось легче, не стиралось, не забывалось. Когда ехала в машине, от волнения дрожали руки. Первая зацепка за год поисков. За целый год разбитых надежд и истрепанной в лохмотья веры в то, что он жив и что я не питаюсь ложными надеждами, не схожу с ума.

Посмотрела в окно, на мелькающие за окном деревья с изумрудной листвой, на просвечивающие клочки неба. Как много я бы отдала, чтобы смотреть на это небо вместе с тобой, любимый, чтобы трогать эту листву или видеть красную розу в твоих грубых пальцах.

Я всегда думала, что страдания причиняет ненависть, боль, злоба, но как же я ошибалась. Самые сильные и невыносимые страдания причиняет любовь. Ненависть ничтож-

но мала перед ней, как жалкая, испуганная, злобная старуха, готовая нападать, чтобы защищаться... любовь рядом с ней, как самое настоящее чудовище, пугающее своими размерами, силой и мощью, удерживающая на цепях, словно своих верных псин: ненависть, ярость, злость.

Можно прекратить ненавидеть... но прекратить любить невозможно.

– Дарив, у нас проблема. Машину обстреляли. Убит водитель, двое наших ранены. Объект при смерти. До больницы не довезем.

Я вскинулась и подалась вперед. Рация затрещала и включилась снова.

– Слышишь, Дарив. Нас обстреляли.

– Твою ж...

Я схватила его за плечо.

– Это далеко?

– Нет, в нескольких километрах отсюда. Но... вам туда нельзя.

– Кто сказал? – смерила Дарива грозным взглядом, а сама трясусь от отчаяния. Только не сейчас. Пожалуйста. Не сейчас, когда я приблизилась к истине хотя бы на полшага.

– Там... мертвецы, там кровь. Это место не для женщины.

– Запомни раз и навсегда, Дарив – я не женщина. Я Ан-гаахай Дугур-Намаева. Твоя госпожа. И я буду решать, куда мне можно, а куда нельзя. Быстро разворачивайся и вези меня к этому человеку, и молись, чтоб он остался жив, – по-

том приблизилась к Дариву так, что наши лбы почти соприкоснулись, – или я тебя вышвырну на улицу... потому что ты не предусмотрел такой исход событий и не удвоил охрану нашего единственного свидетеля. Свидетеля, на поиски которого ушел целый год! Год моей жизни!

– Я понял... вы правы. Приму любое наказание.

Откинулась на кресло, тяжело дыша и сжимая пальцы в кулаки. Боже, молю тебя, пусть он будет жив и даст мне хотя бы немного надежды, хотя бы каплю, крошку, пылинку. За что-то уцепиться. Чтобы иметь силы жить дальше.

Я выскочила из машины, не обращая внимание на крики Дарива, на его резкие приказы оцепить территорию, не подпускать ко мне никого даже на несколько метров.

Трупы уже накрыли простынями, раненных охранников положили в траву в ожидании неотложной помощи. Я бросилась к парню и девушке, лежащим у обочины. Упала перед ним на колени, стараясь не смотреть в развороченные раны на животе.

– Скажи... скажи мне, где Хан? Это ведь был ты? Ты поджидал его в кустах? Ты обстрелял его машину? Ты! А потом? Что ты с ним сделал потом? Отвечай!

– Оля... О... ля.

Я повернулась к девушке – ее широко распахнутые глаза смотрели в небо. Голова неестественно вывернута, как и ноги.

– Она мертва. Те, на кого ты работал, предали тебя. Вме-

сто того, чтобы спасти, они предпочли тебя убить. Тебя и твою девушку. Скажи мне, кто это... Скажи, и я отомщу им за тебя. Обещаю!

Парень закатил глаза и захрипел.

– Нет. Нет-нет-нет. Не умирай. Не сейчас. Скажи мне... скажи, где Тамерлан. Он ведь жив. Ты же его видел, да? Вы увезли его? А там был кто-то другой! Скажиии! – я трясла его за плечи, пачкаясь кровью, теряя самообладание.

Парень меня не слышал, он агонизировал, дергаясь всем телом. Дарив попытался меня поднять с колен, оттащить от умирающего.

– Он вам уже ничего не скажет. Это конец.

Я позволила себя поднять, но не могла замолчать... смотрела на свою последнюю надежду, на то, как она истекает кровью у моих ног, как умирает в страшных мучениях, и готова была зарыдать от отчаяния.

– Скажи! Я заставлю их заплатить за вашу смерть! Я прикажу похоронить вас обоих по-человечески. Скажиииии!

– Тур..га..уд – губы умирающего зашевелились, и я наклонилась к нему, оттолкнув руки Дарива.

– Что? Что ты сказал? Повтори!

– Он бредит.

– Заткнись! – упала на колени снова, наклонилась к самому уху умирающего.

– Тур...га...уд. – повторил опять странное слово и закашлялся, захлебнулся, из его рта пошла кровавая пена, и он за-

стыл, взгляд замер где-то в одной точке над моей головой.

Я поднялась с колен, дрожа всем телом и глядя на Дарива.

– Что такое «тургауд»? Это монгольское слово?

Он пожал плечами.

– Да... но, скорее всего, это предсмертный бред.

– Нет... это не бред, – тихо сказала я, переступила через тело и пошла к машине.

Я не спала ночами, изучая что такое тургауд... На первый взгляд это и мне показалось бредом. Какое-то непонятное слово. Его не было в словарях и переводчиках. Но я нашла его значение в интернете.

«Тургауды стали боевой элитой. От монгольского турхаг («большой»), их в тумэне кэшика было аж 80% или 8 000 сабель. Днем было больше всего забот и передвижений правителей и членов их семей. Семьи чингизидов были большие, каждого охраняли свои тургауды.

*Вторая причина того, что в тумэне кэшика почти все были тургаудами, в их боевом применении. Тургауды не только прикрывали ставку чингизида, но и были последним резервом правителей Монгольской империи на поле боя».*1*

Это могло означать, что угодно. Например, то, что какая-то группировка с таким названием могла уничтожить этого Артема, и он пытался нам указать на них. Но Дарив утверждал, что такой группировки нет. Как и дед. Если только не появилась буквально в течение нескольких дней.

– Ты зря мучаешься, Птичка. Пойми, это монгольское слово, и оно могло означать что угодно.

Дед уже чувствовал себя намного лучше и держал внука на коленях, периодически напевая ему какие-то песенки и весело кивая головой из стороны в сторону. Малыш улыбался ему всеми своими шестью зубами и тянул деда за бороду и усы.

– Этим словом назывались боевые псы Чингизхана.

Дед пожал плечами и ущипнул Лана за животик – мальчик весело засмеялся.

– Ублюдок, которого пристрелили, мог так назвать своих убийц.

– Вы сказали, что группировки с таким названием не существует.

– Верно. Но слово-то существует.

– Откуда русскому знать это слово?

– Почему я знаю? Слышал где-то.

– Но где?

Я в отчаянии заломила руки. Словно топчусь на месте, по раскаленным углям, сжигая ноги до мяса, и ничего не могу сделать. И никто не протягивает мне руку, чтобы вытащить меня отсюда.

– Где угодно. По телевизору. Да, Лан, да, мой внук, мой воин, мой дракон!

– Нет... здесь есть что-то еще. Что-то важное. Он смотрел на меня, он пытался мне рассказать. Нужно еще раз прове-

рить всех, кто мог желать смерти моему мужу.

Дед мрачно усмехнулся.

– Их так много, что тебе жизни не хватит. Основных мы всех прошерстили. Список из двадцати трех человек. Десятерых прикопали в самых разных местах только за то, что подумывали о смерти моего внука. Этого мало? Кого еще казнить, чтоб ты успокоилась? Ты должна жить дальше. Вся империя у твоих ног. За это время ты взлетела так высоко, что даже мне страшно смотреть на эту высоту. Хватит страдать... во всем хороша мера.

– Я держусь на голой вере, что он жив... – посмотрела в глаза старику и почувствовала, как больно саднит в груди, – живу, потому что ищу его, и это дает мне силы. Если умрет эта вера, и я умру, понимаете? Умру!

Дед поставил Тамерлана на ножки, придерживая под руками и тихо сказал:

– Тебе нельзя умирать. Ты мать Тамерлана Дугур-Намаева! Ты должна вырастить моего правнука и сделать его царем всей империи! Ты права не имеешь умирать! На! Забери своего сына! Начни вспоминать, что ты не только жена, а еще и мать! Утешься в ребенке! Хватит! С сегодняшнего дня я не хочу и не стану принимать участия в поисках призрака только в угоду тебе! Будешь упрямится – отлучу от дел! Довольно сходить с ума и сводить всех вокруг! Я поставил на уши кого только можно! И поверь, если я считаю, что мой внук мертв – значит, он мёртв! Иначе я бы вывернул этот

мир наизнанку и нашел его!

Я даже не пошевелилась, продолжая смотреть в узкие глаза деда, а потом процедила сквозь зубы:

– А я выверну изнанку этого мира и найду! Мне плевать на вашу империю. Можете отлучать! Я никогда не перестану его искать!

Взяла сына на руки и вышла из комнаты Батыра. Едва закрылась дверь, как из глаз потекли слезы от отчаяния, захотелось упасть на колени и завывать, заскулить так, чтоб стены проклятого дома содрогнулись, чтоб голуби выпорхнули из своих гнезд и забили крыльями от тоски. Все рушится, ускользает из пальцев. Всякая надежда превращается в тлен, в ничто, в песок... Может быть, я, и правда, сошла с ума? Может быть, он мертв, а я... я просто оставляю себе возможность не знать об этом. Ведь это так просто. Не знать.

Зашла в спальню, прижимая малыша к груди, укачивая и напевая ему колыбельную... Старую, старую колыбельную. Ее пела мне мама Света. А бабушка пела им обеим – Свете и моей маме.

Баю-баюшки-баю

Не ложися на краю,

Придет серенький волчок,

Схватит Лана за бочок.

Баю-бай, Баю-бай, спи сыночек засынай...

(с) Народная

Маленькие раскосые голубые глазки медленно закрыва-

лись, прятались под тонкими веками и пушистыми ресницами. Мой нежный мальчик, любовь моя вечная. Такая щемлящая, такая удушающе сильная и необъятная, что мне кажется, я вся пропитана ею. Как же я хочу, чтобы твой папа видел, как сильно ты на него похож. Как две капли воды, как маленькая копия с точностью до родинки на спине. Ни одно ДНК не нужно, чтобы увидеть, чей ты сын. Ни одна проверка. Достаточно взгляда... Тот же нос, упрямо поджатые губы, разрез глаз. И дубляж каждого пятнышка на теле. Мини карта родинок своего отца.

Уложила малыша в кроватку и вернулась к компьютеру. Монгольские сайты, новости, сплетни. Сколько я их пересмотрела, сколько информации проанализировала, выписывая на бумажку разные данные. Мне казалось, я взорвусь от них, казалось, что за этот год я превратилась в старуху.

Уже хотела закрыть одно из окон, как заметила баннер со свежей новостью.

«Сегодня утром в степи были обнаружены полуразжившиеся тела. По неуточненным данным останки могут принадлежать молодым мужчинам, умершим от голода, обезвоживания и жестоких издевательств. Снова возрождаются слухи о тюрьмах-чемоданах. Только там людей могли довести до подобного истощения, но власти отрицают любую возможность появления таких исправительных учреждений». Фотоматериалы, прикрепленные ниже, могут нанести вред вашему психическому здоровью».

Не знаю, почему открыла эти снимки. Тут же прижала руку ко рту, в желании отвернуться дернулась всем телом от подступающей тошноты. Хотела закрыть фотографии и замерла. На одном из изображений крупным планом сняты руки несчастного, вспухшие от впившихся в них веревок и волдырей от ожогов, с лопнувшей кожей... и на запястье знакомая татуировка в виде солнца. Я ее видела. Я точно ее видела. У телохранителя моего мужа.

Вскочила из-за стола, выбежала в коридор, к комнате Дарива, постучала изо всех сил. Он открыл не сразу, а когда распахнул дверь, тут же опустил взгляд. И я сжала полы халата на груди.

– Идем со мной. Ты должен это увидеть. Должен!

– Мне надо одеться.

– К черту!

Схватила его за руку, но он ее выдернул.

– В этом доме уши и глаза есть даже у молекул. Я молчу про стены и потолки. И я не могу войти в вашу спальню, госпожа. Это может стоить нам обоим жизни.

Где-то вдалеке скрипнула то ли дверь, то ли половицы. Мы оба посмотрели вглубь коридора.

– Хорошо... Хорошо. Я сфотографирую на телефон и принесу.

Бросилась обратно к себе, схватила сотовый. Со всех сторон сняла руку мертвеца и бросилась обратно.

– Ты...ты узнаешь? Разве это не татуировка Мэргэна?

Солнце с семью лучами. Разве это не татуировка одного из телохранителей Хана, которого вы подозревали в предательстве?

— У нас у многих такие татуировки. Даже у меня. — и показал мне свое запястье. От отчаяния я застонала. Отшатнулась к стене и закрыла глаза. Почему... почему едва во мне зажжется надежда, она тут же гаснет. Почемууу? Чем я так разозлила Бога, что он жестоко меня наказывает? Или... Тамерлан... прогневил, а я могу страдать от разрывающего нас обоих наказания.

— Что это за фото?

— Тела, найденные в монгольской степи. — ответила я, отворачиваясь и глотая железный ком, застрявший в горле. — Говорят, их держали в тюрьмах-ящиках, а когда они умерли — закопали под тонкий слой земли и бросили разлагаться.

— Таких тюрем нет уже много лет. Просто сплетня. Вброс. Мы ищем Мэргэна, и пока что его следы ведут совсем в другое место. Идите к себе. Вам надо поспать. За эти дни вы себя извели. Утром все будет выглядеть иначе. Это не Мэргэн. Как он мог попасть в Монголию?

Я не пошла в себе... слишком давят стены, слишком сводит с ума пустота, как будто с его исчезновением дом вырос в размерах, стал не просто огромным, а гигантским. Я любила его и одновременно ненавидела. Ненавидела за то, что я в нем теперь совершенно одна.

Прошла по знакомой тропинке, мимо вольера Джаи, ко-

торая тут же радостно бросилась к прутьям, но увидев, что я прошла мимо, разочарованно заскулила.

Как же ужасно ходить здесь совсем одной и представлять себе ЕГО мощную фигуру, а рядом с ним черную тигрицу. Подошла к мостику и прислонилась к перилам.

Внизу, освещенные лунным светом плавали два лебедя. Черный и белый. Они то взмахивали крыльями, разметая хрустальные брызги столпами в разные стороны, то сплетали длинные шеи в любовном танце.

Совсем недавно мы стояли здесь вдвоем, смотрели вместе на этих птиц. Как много я бы отдала, чтобы услышать его голос.

«Ангаахай» с придыханием, с хрипотцой, и ощутить, как сильные пальцы сжимают меня под ребрами. Одна только мысль о том, что Тамерлан мертв, сводила меня с ума, заставляла ощутить дикую пустоту в сердце и в душе.

Лебеди заскользили по глади озера, а я сдавила пальцами перила, закрывая глаза.

«— Почему лебедь?»

— Такой я вижу тебя.

— Меня?

— Тебя.

Провел пальцами по моей щеке. Лаская скулу, подбородок.

— Ты похожа на лебедя. Такая же белая, нежная и красивая.

— Говорят, что лебеди самые верные птицы. И они любят

только раз в жизни... если их вторая половина погибает, лебедь умирает от тоски.

Убрал мои волосы с лица, загладил их назад, внимательно всматриваясь в мои глаза.

– Ты бы умерла от тоски без меня?

– Мне бы хватило на это секунды.

Смотрит с недоверием, и золото в его радужках то темнеет, то светлеет.

– Мне хочется в это верить. Когда-нибудь узнаем – так ли это на самом деле...»

Я развернулась и быстро пошла по направлению к дому, кутаясь в шаль. Я не чувствовала порывы холодного, пронизывающего ветра. Меня лихорадило и бросало в жар от вспенившегося адреналина. Я поднялась по лестнице и без стука распахнула дверь в спальню Батыра.

Он приподнялся на постели, а я громко и отчетливо сказала:

– Завтра утром я уезжаю в Монголию.

Увидела, как морщинистые пальцы сжались в кулак и сошлись на переносице косматые брови.

– Завтра утром, как только переступишь порог этого дома, перестанешь быть моей невесткой!

И наши взгляды скрестились.

Глава 4

Мне приснился странный сон. Будто бежали большие белые собаки, и одной из этих собак была я. Я... Я – каждая встреченная тобой собака на дороге. Или птица, которая заглядывает тебе в окна. Так что если я умру первой, ты все равно будешь мною окружен. Сквозь все песни ты будешь слышать мой голос, особенно сквозь твои самые любимые. Я буду просто летать воздухом что бы ты им дышал. Я постараюсь быть сильнее своей любви, если это возможно...

(с) Рената Литвинова

– Я отберу у тебя сына и изгоню из дома!

Батыр сотрясал кулаками и его колотило от гнева.

– Изгоняйте! Если я найду моего мужа, он вернет меня обратно! А если нет, то такова моя судьба!

– Куда ты лезешь, дура несчастная! Ты людей не знаешь! Ты будешь в чужой стране, где свои правила! Ты сгинешь там!

Отобрал у меня платье и швырнул его к стене. Я спокойно подняла и сложила обратно в чемодан.

– Везде свои правила. В вашей семье тоже были свои правила! Не сгинула!

Он ездил за мной на кресле, пока я собиралась. И раскидывал все, что я складывала. Это могло бы выглядеть комично, но не с Батыром. Если бы в его руках был в этот момент

хлыст, он бы меня ударил.

– Это безумие! У тебя есть ради чего жить! Ради сына! Ради Эрдэнэ! На кого ты их бросаешь?!

– На вас! Вы за ними присмотрите не хуже меня!

– Я могу умереть в любой момент.

– Таких моментов было много, и вы еще живы!

– Я бы отрезал тебе язык за дерзость.

– Это не дерзость, это правда.

– Дети не простят тебе этой разлуки!

– Простим!

Мы оба обернулись. Эрдэнэ пришла в комнату. Она уже уверенно стояла на протезах, а изящные брючки скрывали саму конструкцию, и казалось, что она стоит на своих ногах. За полгода тренировок уже почти незаметно, что это протезы. Я была благодарна Батыру за то, что поддержал мою идею. Эрдэнэ прошла медкомиссию, и я поняла почему Хан не хотел, чтобы она надевала протезы – у нее был порок сердца, прооперированный еще в младенчестве. Противопоказаны сильные нагрузки. И Тамерлан решил, что в кресле она целее будет. Запретил любую активность. То, что я считала жестокостью и равнодушием, на поверку оказалось заботой. Своеобразной. В стиле моего Тамерлана. Настолько вычурной и гротескной, что он боялся каждого ее движения, ограждал от общения, от волнений. Предпочитал с ней практически не общаться... В первые годы жизни девочки врачи намекали ему, что она может умереть. Потом было еще две операции,

и шансы Эрдэнэ поднялись. А страх остался. Хан боялся потерять свою единственную дочь и оберегал ее, как умел. Эрдэнэ держала на руках своего брата и смотрела то на меня, то на деда. Малыш радостно улыбался и всем тельцем показывал, как он рад всех нас видеть. Узкие синие глазки светились радостью и весельем.

– Пусть мама едет и вернет папу. Я верю, что он жив. Верю ей! Отпусти ее, деда. Она сильная и умная. У нее все получится!

– А я нет! Я не верю! Надо смотреть здравому смыслу в глаза! Иди к себе, Эрдэнэ, с братом поиграй и не лезь во взрослые разговоры. Слишком мала вмешиваться!

Кивнул на дверь, но она не торопилась уходить, посмотрела на меня красивыми бархатными глазами, и я одобрительно кивнула. Моя девочка. Моя малышка. Настолько моя, насколько не могла бы стать и родная дочь. Осталась поддерживать. Не побоялась деду перечить. Но когда я кивнула, все же вышла, и я услышала, как она ласково лепечет что-то малышу. Это был мой страх...страх, что он родится здоровым, полноценным, и девочка возненавидит его, начнет ревновать. Но я ошиблась. Так трогательно и нежно не любила моего мальчика даже я. Всю свою нерастраченную ласку, любовь, заботу Эрдэнэ устремила на брата.

– *Пойди поспи. Я с ним посижу.*

– *У тебя все болит. Врач сказал лежать... отдыхать. Я сама. Я справлюсь. Мне не сложно.*

Она сидела с ним столько, сколько я позволяла первое время. Помогала по ночам, возилась, купала, пела песни и называла его Лаником. Лучшей няньки для своего сына я бы и не нашла.

Провела Эрдэнэ взглядом и прикрыла за ней дверь.

– Для меня это не здравый смысл. Для меня вы просто сдались, опустили руки, пошли легким путем. Почему? Разве вы не любите его? Разве не мечтаете вернуть домой? Где ваша вера и надежда?

– Нет их уже давно! Что ты видела в этой жизни? Ни черта не видела! За спиной внука моего всегда была! Ты мира не знаешь! Жестокости людской! Не понимаешь, куда лезешь, и как тебя там могут поломать!

– Я уже поломанная. Без него!

Дед выдернул у меня из рук в очередной раз кофту и в ярости швырнул на пол.

– Ты купаешься в золоте. Я одарил тебя всем, что только могла и не могла пожелать невестка Дугур-Намаевых. Никогда не поедешь. В подвале запру. Годами там сидеть будешь!

И поехал на меня, нахмутив брови и стискивая рацию.

– Сейчас туда отправишься! Дура бестолковая! Не перечь мне!

И я поняла, что он может... что он так и сделает. Запрет меня, посадит под замок. Какой бы хозяйкой я не была, люди склонят головы перед ним. Рухнула на колени и обхватила его ноги, прикрытые пледом, дрожащими руками.

– Умоляю вас, заклинаю. Не мешайте. Отпустите. Я жить не могу без него. Дышать не могу. Сколько времени я так просижу... а вырвусь и опять искать пойду. Отпустите меня. Он мне каждую ночь снится... каждую. Сегодня видела его в яме – изодранного, окровавленного, руки ко мне тянул, звал.

И разрыдалась, уткнувшись лицом в ноги Батыра. Устала я. Мне нужна надежда, зацепка, хоть что-то. Или наоборот, окончательно убедиться, что он мертв. Ощутила, как на мою голову легла прохладная старческая ладонь, погладила мои волосы. Неумело, грубовато.

– Я многих потерял в этой жизни... внушка. Дочь потерял, загубил любимую. Младшую. Потому что делом занят был, грязи у себя под носом не видел... жену схоронил и даже вздоха ее последнего не поймал. Не пережила позора. Сына недосмотрел... подонком вырос. Дети у меня.... не нужен я им. Богатство нужно, дом, власть, золото. Моя вина. Я такими вырастил. Впервые сейчас семья у меня есть... не хочу больше терять, отпускать. Дороги вы мне. Все трое. Дороже золота и жизни. Когда каждая минута на счету, когда остался всего один глоток кислорода, хочется прожить этот глоток рядом с вами.

Я знала и понимала, что единственная, кто слышит подобное от жуткого ядовитого скорпиона, скупого на похвалы и эмоции. Но разве это что-то меняло?

– Вы... вы эгоистично губите теперь и меня, – прошептала, не поднимая головы, – прячете в клетку и рвете мне крылья,

не понимаете, что без него я погибну.

Резко отнял руку и оттолкнул меня от себя, отъехал к окну. Долго молчал, пока я сидела на полу, не в силах встать и вытирала слезы.

– Поедешь на неделю. Не больше. Там тебя встретит мой человек и поможет искать. Поедешь под другим именем с другими документами. Неделя. Я даю тебе ровно неделю. Если ничего не найдешь, вернешься домой, закажешь ему памятник и начнешь жить сначала.

– Хорошо...

– Поклянись!

Развернулся ко мне.

– Клянусь!

И солгала. Намеренно. Глядя в глаза. Я буду его искать, даже если потрачу на это всю свою жизнь, даже если мои поиски будут напрасными. И буду ждать его возвращения всегда. Ни одна клятва меня не остановит.

Ринг напоминал гладиаторскую арену и выполнен был именно в этом антураже. Колонны, сцены боев на стенах, потолок раскрашен в виде ночного неба с горящими звездами. Все зрители в масках, полностью скрывающих лица. Яркое цветное освещение бьет по глазам, камеры ползут вдоль ринга, выхватывая физиономии и силуэты бойцов, стоящих за

сеткой-рабицей, выкрашенной в золотистый цвет. Мужчины раздеты до пояса, смазаны золотым блеском, у каждого на груди клеймо, нарочито обведенное черным.

ОН стоит одним из первых. На лице ни одной эмоции. Цепкий взгляд из-под густых черных бровей. Руки сжаты в кулаки. Осматривается. Выхватывает лица-маски из толпы, пытаясь кого-то узнать, но это бесполезно. Он слышит лишь их голоса, смех, издевательские замечания. Ноги сдавливают железные браслеты, на руках точно такие же, в них встроены датчики. Если будет угодно хозяйке, включится ток. За любое неповиновение ток или хлыст, или дубинка.

Да, он сражался и раньше. Но тогда это был спорт, азарт, желание выиграть, быть сильнее, ловчее, умнее. А сейчас только одна цель – выжить. Никаких правил. Противника можно рвать зубами, ногтями, ломать конечности и выдавливать глаза, выпускать кишки. Драка до смерти. Нет поблажек. С арены уходит кто-то один. Нет, он не боялся. Он был переполнен ненавистью и презрением к самому себе. Потому что дал себя схватить, как тупое, бесхребетное животное. Угодил в ловушку, как идиот. Поехал без охраны. Самоуверенный. Слишком расслабился из-за нее. Все мысли только о ней, только о ней. Мозги отказывают напрочь, в них розовая вата. Мечты, бл*дь, планы. О том, как построит еще один дом у моря, чтоб она могла видеть воду каждый день, о том, как купит яхту и назовет ее Ангаахай, о том, как посадит розы для нее в виде лебедей. Как вырастет Эрдэнэ и будет

танцевать для него в кресле, а врачи разрешат надеть протезы. Таким тварям, как он, мечтать о счастье вредно. За это приходится дорого платить всем самым ценным, что у него есть... и это далеко не его свобода.

Неизвестно, что с дедом, неизвестно вообще, что происходит ТАМ. И он готов был себя за это распясть. Надеялся, что Птичка выживет, что сможет защитить Эрдэнэ от своры гиен, которые набросятся на них после его якобы смерти. Он оставил все, что у него было, ей. До копейки и до пылинки. Нет, не потому что хотел обеспечить ее после своей смерти. Тогда он был далек от этих мыслей, тогда он все еще надеялся, что золотоволосая девчонка лишь понравившаяся игрушка, и она скоро ему надоест. Потом он будет об этом молить у дьявола, чтоб надоела, чтоб не хотелось видеть ее постоянно, чувствовать, вдыхать...

Переписал на нее, потому что считал безропотной, бесхребетной овцой, которая никогда не сможет причинить ему вред. Переписал, чтоб потом так же ловко вернуть себе, зная, что это существо не станет ни на что претендовать. А сейчас это было единственное, что грело холодеющее от ужаса за своих девочек сердце. Они обеспечены, ни одна тварь не сможет претендовать на дом, на имущество. Все принадлежит Ангаахай. Только бы не убили его девочку... не устранили с дороги. Вся надежда на то, что дед выкарабкался, иначе остается перегрызть себе вены...

Красногубая сука хочет, чтоб он дрался, подлая воню-

чая тварь, которая решила поставить его на колени. Она может только мечтать о славе, которую получит благодаря ему. Только мечтать! И посмотрел снова в зал. Она там. Среди этих масок с ржущими ртами и огромными кукольными глазами. Жуткие зрители в масках со смеющимися детскими лицами. Совершенно одинаковыми. Размахивают флажками со значками хозяев. Где-то сбоку послышался рык, и бойцы напряглись.

– Бл*дь! Они привезли кошек! Будет месиво!

– Я ж говорил, что не вижу ублюдошных кебтеуловских псов.

– Сегодня будет другое развлечение. Пожестче.

Он их слышал, но ему было плевать, кто там. Кошки, собаки, кебтеулы, тургауды. Насрать. Все рабы. И все склонили головы перед своими хозяевами. У него, у Тамерлана Дугур-Намаева хозяина не будет.

Послышался ритм, отбиваемый на там-тамах. Он ускорялся и ускорялся, пока не загремела железная завеса и не начала медленно подниматься вверх.

– Черные тигры. Голодные, обозленные, измучанные и натасканные на людское мясо твари. Их выкупают в цирках и зоопарках, когда те выходят из-под контроля.

Бормотал кто-то сзади истеричным голосом.

– Лучше бы убили нас сразу. Не хочу быть сожранным голодным тигром живьем.

– Всем насрать, чего ты хочешь. А кошечек точно не кор-

мили.

На арену, крадучись, пригибаясь, вышли две черные тигрицы. Пригнув головы и прижав уши, они кружили вдоль высоких заграждений и скалились на гостей. Слышался женский восторженный визг. Предвкушают, как тигрицы начнут раздирать людей. Женщины, жены, матери... улыбаются своим детям, а сами делают ставки – кто мучительней умрет у них на глазах и насколько это будет интересно.

– Сегодня будет необычный бой. Бой человека и животного в их первозданной силе! Бой, где природа сразится сама с собой, и мы узнаем, кто сильнее – человек или хищный зверь. Мы собрали для вас самых сильных воинов, и сегодня они умрут или выживут ради вас... После боев вы сможете насладиться победителями.

В толпе заулюлюкали, заверезжали.

– И первым выйдет на арену Грифон. Дааа, рыжий великан с огненной бородой, которого вы все обожаете. Самый сильный из Тургаудов.

Хан смотрел, как рыжий детина вышел на арену. С голыми руками. Только небольшой нож с кривым лезвием и собственная сила и смелость против двух голодных тигриц. Тамерлан знал, что рыжий обречен. Смотрел, как кошки играют с ним, как изматывают, как толкают лапами и лишь слегка пускают кровь. Они знают, что получают его мясо. Знают, что он против них слишком слаб, и его нож, впивающийся в их лапы, всего лишь комариный укус. Тигриц оттащат толь-

ко тогда, когда хозяйка подаст знак это сделать.

Они завалили его спустя пять минут. Хан не смотрел, как тигрицы отдирали от дико воющего Грифона куски мяса, как их оттаскивали и уносили израненного, покалеченного бойца в медчасть, где ему вколют смертельную инъекцию, а потом закопают где-то за забором тюрьмы. Никто не станет лечить, спасти бойца, который уже не сможет выйти на арену. Здесь на это время не тратят. Иногда кто-то из зрителей выкупает себе игрушку, но и это случается очень редко.

– Не повезло Грифону. Природа оказалась сильнее. А теперь мы познакомим вас с новым бойцом. Его зовут Тигр. Дааа. Тигр будет драться с тигрицами. Кто окажется сильнее? Делаем ставки, дамы и господа. Делаем ставки. А пока вы нажимаете кнопки на ваших дисплеях, мы рассмотрим нашего воина во всей красе. Рост двести три сантиметра. Дааа, великан! – в толпе запищали. – Размах рук двести десять, весовая категория тяжелая, жим лежа двести семьдесят шесть. Дааа. Он силен. Ставки растут!

Тамерлан не смотрел в толпу, он смотрел на тигриц. Особенно на одну из них со слегка оборванным ухом. Морда перепачкана кровью, смотрит исподлобья. Видно, что молодая, злая. Одна лапа слегка вывернута внутрь.

– *Они не Киара... я знаю. Но смотри, какие они милые, как любят нас.*

– *Птичка, ты взяла их из жалости? Одна слепая, у другой лапа сломана, третья вроде здорова, но...*

– Но ты же их принял. А они тебя. Смотри, как ластятся... потому что кто встает их кормить в шесть утра?

– Я встаю на тренировку!

– Конечно, на тренировку! Конечно, ты просто проходишь мимо с ведрами мяса и случайно роняешь куски за решетку!

– Молчишиши.

– Заставь замолчать.

– Заставлю, не сомневайся.

Нахмурился и отвел взгляд, посмотрел на беснующихся зрителей. Они напомнили ему обезьян в зоопарке. Вот-вот повиснут на сетке и начнут показывать задницы.

– Улыбайся, кусок мяса! – зашипел ведущий. – Подними руку и улыбайся. Они спасут тебе жизнь, если ты им понравись. Шансов никаких. Ты уже труп.

Тамерлан бросил жуткий взгляд на ведущего, потом повернулся к толпе.

– Вы увидите, как он красив. Покажи им, Тигр! Улыбнись, заставь их трепетать от восторга!

Но вместо улыбки Хан оскалился и зарычал, оголяя зубы. Смех стих, и зал затаился.

– Придурок! Ты сегодня здесь сдохнешь!

И снова взорвался воплями, криками, а на огромном дисплее запрыгали взлетающие вверх цифры ставок.

Глава 5

Ненависть – активное чувство недовольства; зависть – пассивное. Нечего удивляться тому, что зависть быстро переходит в ненависть.

(с) Гёте Иоганн Вольфганг

Она его ненавидела. Люто ненавидела, мрачно. Ей одновременно хотелось, чтобы он проиграл, и в то же время она понимала, что этот ублюдок может принести ей миллионы. Особая радость – сделать на нем деньги, заставить его платить по счетам в полном смысле слова. Она превратит каждый день его жизни в ад, в крошечную тьму. Все это вонючее семейство должно погрязнуть в болоте, утонуть и сдохнуть. Чтоб никого не осталось из Дугур-Намаевых. Они разрушили ее жизнь, она поклялась уничтожить их всех до единого. Для этого вышла замуж во второй раз, ради этого многое поставила на кон.

Перевела взгляд на арену. Вывели животное проклятое. Сколько лет она пыталась его уничтожить, и все бестолку. Рисковала своими людьми, подложила под тварь свою дочь... Это уже особая боль. Еще одна причина люто ненавидеть.

Заключенный вышел на арену. Смотрит зверем. Страшная, дикая тварь, способная уничтожить каждого в этой зале,

если снять кандалы. Потеряла с ним столько времени, ломала ублюдка месяцами. Ей это стоило денег, ресурсов, времени. Чтобы достать хоть что-то, способное заставить эту машину смерти делать то, что она скажет.

Здесь, среди своих ее называли Албаста, что означало демоница. Своего настоящего имени она им не говорила. И ей нравилось, что ее боятся. Особенно эти животные, которых она называла своими псами. Скомандуешь «к ноге», и они уже готовы лизать ей пятки и причмокивать. За кусок мяса. За мягкую постель, за шлюху раз в месяц. Она любила их поощрять, но еще больше любила наказывать. Ее хобби, ее развлечение, ее огромный доход. Блажь, как называл это муж Албасты.

Она нарочно выбрала тигриц для этой битвы. Знала, что у чудовища к ним особая слабость. С каким наслаждением она смаковала смерть кошки Хана. Ведь это было ее рук дело. Мелкая пакость, которая нанесла удар в самое сердце. Как он страдал. Больше всего Албаста любила рассказы о его страданиях. Жаль, дед не сдох и мешает добраться до девчонки и русской шлюшки, которую он сделал своей женой после ее дочери. Пусть потреплют этого самоуверенного подонка. Довольно ухмыляясь, смотрела, как кошки начали свою охоту, как кружат вокруг монгола, как пригибают массивные головы. Они нападут по очереди, чтоб отрывать от него куски мяса.

Здоровый, как глыба, Хан наблюдал, сощурившись и пе-

рекидывая нож с ладони в ладонь. И на его проклятом, лоснящемся от пота и золотой краски лице не было ни тени страха. Казалось, он вышел играть, а не сражаться со смертельно опасными хищницами.

Одна из тигриц наконец-то прыгнула на врага, но тот резко перевернулся, подпрыгнув в воздухе, и отскочил в сторону. Вторая тигрица не торопилась нападать, она наблюдала. Косолапая сучка. Чего она ждет? Они же обе голодные. Она их выкупила в кочующем зоопарке, их выставляли в клетках и за деньги разрешали колоть копьями, прижигать горящими палками, бить. Косолапая тигрица откусила руку одной из своих хозяек, когда та замахнулась плетью, думая, что цепь надежно закреплена в стене, и обеих тигриц решили пристрелить. Но Албаста выкупила их и натаскала на человеческое мясо. Имен им не давали. Одну называли Косолапой и Колченогой, а вторую Желтоглазой. Много чести шерстяным сукам имена давать.

Когда видела, как они рвут свою жертву, представляла, как они это сделают с ублюдком Дугур-Намаевым младшим. Будут выдирать с него клоки плоти и жрать у него на глазах.

– Продай мне его после боя! Я слюной изошлась!

Одна из зрительниц, ее давняя знакомая и заказчица подалась вперед, разглядывая Хана и нервно сжимая пальцы.

– Он великолепен. Это тело. Оно божественное. Хочу его. Сегодня же.

– Посмотрим.

– Что такое? Ты на него сама глаз положила?

– Нет! Я не сплю со своими псами. Я их только продаю.

«Таким ненасытным сукам, как ты».

Косолапая так и не бросилась драться. Выжидательно ходила туда-сюда, а Хан боролся со второй тигрицей, катался по полу, пытаясь увернуться от ее когтей и клыков, нанося удары в бока, прикрытые латами. Скоро у него сломается лезвие. Пусть на нем останется побольше царапин, и Алба-ста остановит бой.

– О божеее, он великолепен. Как он держит тигрицу, смотри на его мышцы. Они вздулись и сверкают от бликов. Я хочу увидеть его голым. Никому не продавай. Я первая. Где ты его взяла? Геракл! Я хочу его трахнуть. Ты не можешь мне отказать.

– И не собираюсь. Если его не потреплют в хлам – дам поиграться.

– Я заплачу вдвое больше.

– Втрое. Ты заплатишь втрое больше.

– Согласна.

Желтоглазая тигрица загнала Хана в угол и готовилась к прыжку. Тело изворотливого ублюдка уже было залито кровью. Царапины красовались на его спине, на бедре и на плече. Какого черта не присоединяется вторая кошка? Чего ждет? Надо ее проучить после боя и не кормить еще несколько дней!

Хану удалось отшвырнуть от себя Желтоглазую, кровь

текла по его лицу и, потряхивая головой, чтобы смахнуть струйки крови с глаз, он смотрел исподлобья в толпу, показывая им средний палец, вызывая еще больший ажиотаж. Конченные течные сучки. Ставки растут. Он их унижает, посылает на хер, а ставки растут. Если он сейчас вытащит член и позовет их отсосать, они столпятся в очередь и будут причмокивать через решетку. Что они в нем находят? В этом уродливом сукином сыне, жестоком, как сам дьявол.

Ничего. Это ее пес. Он принадлежит ей. И она придумает, как его сломать. Как поставить на колени. А потом доберется и до его семьи. Все постепенно.

Желтоглазая бросилась еще раз, сбила Хана с ног, нависла сверху, в этот раз ему не увернуться, он ослаб. Албаستا с наслаждением увидела, как вторая кошка бросилась к дерущейся товарке. Сейчас они его хорошо подерут. Надо приготовиться дать знак, чтобы кошек оттащили. Не увлечься расчлененкой ублюдка. Еще рано умирать.

А потом вдруг резко вскочила на ноги. Не смогла удержаться. Косолапая напала на Желтоглазую. Они сцепились, покатались в клубке. Что такое? Дерутся за добычу? Такое впервые. Обычно они всегда делились.

Албаستا пока не понимала кто кого. Пока тигрицы не распластались на земле, и одна не вцепилась другой в плечо. Пока смотрела за дерущимися кошками, упустила из вида своего врага, который вскочил на ноги и бросился к тигрицам, в его руке сверкнул нож, и он изо всех сил вогнал его в шею

Желтоглазой и силой дернул в сторону, перерезая горло.

– Что за черт! – не выдержала Албаста. Ее голос не было неслышно из-за улюлюканья толпы, которая ревела от восторга. Только что она проиграла огромную сумму денег. И в то же время выиграла... Но она лично ставила на кошек, а не на Хана.

Ничего, оставшаяся в живых кошка добьет ублюдка. Косолапая подошла к Хану, прикрывающему ладонью царапины на груди.

Ну сейчас она его загрызет, бешеная тварь. Рука Хана взметнулась к ножу, он замахнулся... а кошка, став на задние лапы, лизнула его в лицо, ткнулась в него носом.

Толпа гудела, останки Желтоглазой валялись на полу, а взбесившаяся тигрица скалится и не подпускает охрану к Хану, рычит и бросается на каждого, кто пытается приблизиться. Если так продолжится, чокнутый сукин сын устроит бойню на арене. Двоих охранников тигрица уже подрала.

Глава 6

Люди врываются в нашу жизнь, словно ветер, разнося и разметая прежде разложенные по полочкам дни, даты, минуты и моменты прошлого. Порой этот ветер, ворвавшись, остается навсегда, иногда просто стихая, иногда вздымая душу к вершинам. А иногда – это просто сквозняк : вскружил, потревожил и исчез навсегда.

Пресловутая закономерность. Распахнув окно, выпускаем, познаем, привыкаем, понимаем, что необходимо. И неважно, что дальше. Тешит мысль, что так приятно дышать новым воздухом. Потом что? Зависимость? Убеждаешь себя, что пока спокойно обходишься, пока однажды утром не проснувшись с мыслью, совершенно обратной вчерашней...

(с) Анна Шэри

Он мог устроить там хаос... Он и Лала, которая стояла между ним и охранниками. Подступиться к ней было невозможно. Палки с электрошокерами не доставали до того угла, где они оба смотрели дикими взглядами на толпу.

Это был момент его триумфа – вытянутое лицо Суки, которую он узнал даже в маске, потому что никто кроме нее не мог вскочить первой с кресла, когда кошка убила за него

свою товарку. Хозяйка подошла к клетке и тихо прошипела:

– Если сейчас же не выйдешь с ринга – тебя пристрелят, как бешеную псину.

– Это не то, чего бы ты хотела, но это то, от чего не отказался бы я. Но мы поступим иначе... Я поставлю условия, а ты их исполнишь, и тогда я выйду с ринга.

– Ты кем возомнил себя, мразь? Ты теперь никто! Не зли меня. Не зли, или я начну развлекаться и воспитывать тебя, ублюдонок!

– Сколько денег ты сейчас теряешь? Сотни? Тысячи? Сотни тысяч? Видишь вон тот просвет в клетке? Мне хватит сил выгнуть прут, и я выпущу тигрицу в толпу. Она сожрет твоих гребаных гостей, охранников, а может, и тебя саму. Кого-то добыю я. Этот ринг превратится в ристалище, заваленное мясом. Ты была настолько самоуверенной идиоткой, что не предусмотрела такой исход...

– И сдохнешь. Мучительно и долго.

– Кажется, ты еще не поняла? Читай по губам на-с-ра-ть! Осмотрелась по сторонам и впилась в прутья решетки сильнее.

– Чего ты хочешь?

– Ты не тронешь тигрицу. Оставишь ее в живых.

Красногубая расхохоталась.

– Всего-то? А ты еще тупее, чем я думала!

– Если нарушишь свое слово, я найду способ отомстить.

– Угрожаешь? – маска прижалась к прутьям. – Ты даже

не представляешь, в какой ад я превращу твою жизнь. По-прежнему никогда не будет. Ты не вернешься домой, ты не выйдешь отсюда. Эта арена будет твоим домом и кладбищем.

– Кошка должна остаться в живых... Вот мое условие.

И дернул рукой чуть изогнутый прут, показывая, с какой легкостью может выломать его.

– Хорошо, сукин сын, кошка останется в живых. Даю слово.

Отошла от клетки, а он склонился к тигрице, всматриваясь в зеленоватые глаза и видя в них свое отражение.

– Они не тронут тебя, девочка. Не тронут, я обещаю. Дай им себя увести. Смотри на меня....

Отвлекая, пока люди Суки подкрадывались сзади с ошейниками. Лалу вывели из клетки, а Тамерлан с облегчением выдохнул и, игнорируя своих конвоиров, которые тыкали в него дубинками, пошел к выходу из арены под громыхающие аплодисменты толпы.

Он знал, что за этот проигрыш Красногубая его накажет, как и других своих псов. Он называл ее Красногубой, потому что из всего лица всегда видел только красные губы и подбородок. Сука скрывалась под масками, чтобы никто не узнал ее... Но он сразу понял, кто это. Едва увидел ее там, в степи. Услышал змеиный голос и тут же вспомнил, как она шипела, придерживая под руку своего мужа, и обещала, что он все равно будет драться для нее.

Его притащили в полутемное помещение с овальными ок-

нами, завешанными красными шторами, как собаку в ошейнике, сильно сдавливающим шею, скованными руками и ногами. Цепь от ошейника прицепили к кольцу в стене. Это было не совсем то, чего он ожидал. Приготовился к порке плетью. Обычно экзекуции проходили в присутствии всех заключенных во дворе тюрьмы, но в этот раз ему приготовили что-то другое.

Нет, он не боялся, скорее, не знал, чего именно стоит ожидать от этой твари, и какую извращенную дрянь она затеяла. Хан бы предпочел удары плетью. Он к ним привык. Мог сосредоточиться на боли, раствориться в ней и перестать на нее реагировать. Парочку новых шрамов – плевать. Не самое страшное, что может случиться.

Только яростнее и злее станет. Пока что он не мог сориентироваться, не мог понять, каким образом можно свалить отсюда, где слабые места суки, которая решила сделать из него свою игрушку. Но он поймет. Рано или поздно узнает и надавит туда, где больнее всего.

Дверь отворилась, и в комнату вошла женщина в коротком шелковом халате. Твою ж мать. Его продали. Как и других псов, которых после боя продавали зрительницам. Продали какой-то похотливой твари. Его. Тамерлана Дугур-Намаева. От ярости хотелось взреветь. Глаза налились кровью, и он ощутил, как напряглись все нервные окончания. Дернулся на цепях.

– Какой красавчик. Я мечтала о тебе с первой секунды,

как увидела.

Смотрит на нее исподлобья, из-под нависшей челки, внимательно отслеживая глазами передвижения по комнате. Женщина подошла к нему и тряхнула каштановыми кудрями. От нее навязчиво пахло сладкими духами и какой-то мускусной дрянью. Она провела по его груди пальцами с длинными ногтями, вызывая неприятные ощущения и желание отшвырнуть ее от себя, как скользкое пресмыкающееся.

– А трахаешь ты так же, как дерешься, пес?

– Ты пришла сюда, чтоб я тебя трахнул?

– Дааа, мой сладкий, я заплатила за это чертовую тучу золота, и ты должен мне угодить. Смотри, какая роскошь тебе достанется.

Она сбросила халат, и он совершенно равнодушно смотрел на ее тяжелую, чуть подвисшую грудь, полноватый живот, но в целом сочное и аппетитное тело не первой свежести. И, нет, у него не встал. Несмотря на долгое воздержание.

– Тебе нравится то, что ты видишь? Многие ждут, чтобы я их купила и подарила им наслаждение. Даже дерутся за эту честь.

Ее ладонь скользнула по его торсу вниз к животу, к резинке шаровар и сжала его член. Какое-то время она помяла его своими холодными пальцами, потом разочарованно посмотрела на Хана.

– Хм...я думала, ты более горяч. Или у тебя с этим проблемы?

– Отсоси, и он встанет.

Вскинула гневный взгляд из-под золотой маски.

– Грубый, неотёсанный, мерзавец. Как ты смеешь со мной так говорить?

– Если хочешь, чтоб я тебя трахнул – отсоси. У меня не стоит на каждую дырку. Я не школьник. Хочешь быть оттраханной – поработай.

Ее соски сжались от его слов, и она томно выдохнула. «Давай, сучка, ведись, и я покажу тебе, что значит купить свою смерть».

– Наглый, мальчик... какой наглый. Хорошо... я одарю тебя своей лаской, но взамен ты трахнешь меня, как последний раз в жизни.

– Договорились. А теперь давай. Становись на колени и покажи, что умеешь. Ради чего все дерутся за ночь с тобой.

Она трепетно и кокетливо опустилась на пол. Долго и жадно сосала его член, причмокивала, исходясь слюной, сдавливала обеими руками мощный ствол и причитала над его размером.

– Освободи мне руки... чтоб я мог тебя отодрать.

– Ммм, – выпустила его член изо рта, натирая себя пальцами и глядя на него пьяными глазами, – хочешь меня отодрать?

– Пи**ец, как хочу. Освобождай, и я порву тебя на части!

Опьяненная, возбужденная сучка в маске высвободила его руки из железных колец.

– Не шали, мальчик, за нами наблюдают. Одно неверное движение, и тебя вырубят током. Так что делай свое дело... порви... Но только без рук. Я не настолько дура.

– Хан. Называй меня Хан, детка! Залазь на столб и обхвати меня своими стройными ножками!

– Порви меня, Хааан! Дааа... мне нравится твое имя! Затрахай меня до смерти!

– Иди ко мне... и затрахую!

Воодушевленная она поднялась по ступеням, встроенным по бокам от столба, перекинула ноги через перекладины и с надрывным стоном насадилась на его член, обхватывая мощные плечи мужчины. Застонала, изгибаясь надсадным криком.

– О даааа, какой же ты огромный, огромный... охренеесть.

И склонилась к его лицу.

– Страшный... дикий зверь с дубинкой между ног... давно у меня не было такого самца.

– И больше никогда не будет. Ты просила отодрать тебя, как последний раз в жизни... до смерти... я никогда не отказываю женщинам.

На камерах было видно только, как женщина дергается и извивается в конвульсиях, прыгая вниз-вверх, выкручиваясь, цепляясь за плечи заключенного скрюченными пальцами, ломая ногти о деревянный столб.

Один из охранников грыз яблоко и ухмыляясь смотрел на

мониторы.

– Ты смотри, наша ненасытная сегодня в ударе.

Второй затянулся сигаретой и присвистнул.

– У Тигра, я слышал, там такое орудие...

– Ты гляди, как дергается... как будто.

– Бл*дь! Твою ж маааать! Это кровь?

– Где?

– Там!

...По светлому полу растекалась темно-бордовая лужица, а женщина обмякла и рухнула вниз. Из колонки донесся адский хохот. Заключение смеялся окровавленным ртом и смотрел в глазок камеры.

Чуть позже избитый до полусмерти Хан валялся в камере, уткнувшись отеком лицом в пол, с трудом выдыхая от адской боли в ребрах, и вспоминал, как орала и вопила Красногубая Сука, когда поняла, что он убил ее лучшую клиентку-извращенку и денежный мешок. Интересно, как она теперь выкрутится из того дерьма, в которое он ее окунул? Это стоило каждого удара плетью по спине, на которой не осталось живого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.